

# Живая вода Карабихи

## ЧЕЛОВЕК ИЗ МУЗЕЯ

Завтра – Международный день музеев. Его титульную тему – «Спаси и сохрани» наш корреспондент обсудил с научным сотрудником музея-заповедника «Карабиха», заслуженным работником культуры России Ириной Соколовой.

### САМАЯ НЕСКУЧНАЯ НА СВЕТЕ

Если кто-то подумает, пусть даже из самых лучших побуждений, что у музейного хранителя «работка непыльная», может человека ни за что ни про что обидеть только одним подобным предположением. Соколова отвечает за документальный фонд, то есть за всё, что написано на бумаге или на том, что её заменяет.

Так вот, не к празднику будь сказано, как раз на пыль у Ирины Константиновны такая сердитая аллергия, со слезами и кашлем, что самые фирменные пилюли если и помогают, то ненадолго. Другое дело – родниковая Грехиха, та, что в Нижнем парке, но об этом дальше.

А мы пока что о всемирно знаменитой музейной пыли. Борьба с ней (как и с плесенью, ярким светом, вездесущими длиннохвостыми) просто входит в служебные обязанности фондовиков. Не покладая рук чистят, проветривают, без устали угощают «манной кашкой» грызунов, для которых всё бумажное – первейшее лакомство. Исход исторического поединка, слава Богу, на сегодня в общем и целом складывается в пользу человека. Да иначе просто не быть бы Ирине Соколовой единственной в «Карабихе» штатной единицей в звании заслуженного работника всей нашей культуры.

Пыль, конечно, не самая её любимая тема. Только повод дай, заведётся с пол-оборота, доказывая, что профессия у «человека из музея» одна из самых нескучных на свете, потому как за сермяжной правдой, что даётся нам в ощущениях, как по живую воду куда ещё идти страждущим, если не в музей. Говоря так, в теорию вдаваться она не станет.

Вот вижу, как у фокусника, невесть откуда появляется в руках у моей собеседницы книжница величиной в четверть ладони. Название – «Землянка», на об-

ложке рисунок: бравый боец-гармонист в полушубке и щегольских белых валенках. Изданное в карманном варианте в первый же год войны стихотворение из письма с фронта жене нашего земляка Алексея Суркова «Бьётся в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза». Классика!

Пока тыловые учёные мужи ругали «Землянку» за пессимизм («...а до смерти четыре шага»), красноармейцы не расставались с книжкой-малышкой, держали её в нагрудном кармане у сердца, и она была для бойцов чем-то вроде оберега, когда до смерти действительно оставалось «четыре шага».

Раритет – из семьи Сурковых. Достался музею стараниями Соколовой. Коллеги говорят – в награду за компетентность и дружелюбную общительность, за умение достойно представлять в столичных писательских семьях некрасовскую Карабиху.

### ПРИЕХАЛА НА ЛЕТО И ЗАГОСТИЛАСЬ

Она, Карабиха, для Ирины Константиновны – дом родной, причём не в переносном образном смысле. Соколова здесь не только работает, но и живёт на самых законных основаниях. Когда-то в Западном флигеле были комнаты для приезжих. Одну из них временно получила новая сотрудница Соколова. Сорок лет назад приехала по объявлению о том, что на лето музею требуются экскурсоводы, да и, как видим, загостились.

И ведь не то чтобы она, молоденькая учительница с педвузовскими корочками, питала какую-то особенную любовь к Некрасову, это придёт позже. Попробовать приехала, испытать себя, только и всего. Под шум Грехихи проштудировала путеводитель. Послушала, как ведёт экскурсию директор Анатолий Фёдорович Тарасов – и вперёд, в бой.

Первую группу повела с ди-

ректорским ободряющим напутствием:

– Вы учитель литературы, значит, рассказывать умеете.

Угадал: умела. Хотя поначалу всё равно во всём ему подражала. Вальжный воспитанник Пушкинского дома, Тарасов меньше всего говорил об «идейном содержании» стихов Некрасова. Пылкое эссе мог прочесть с листа у музейных витрин, к примеру, всего об одном четверостишии: «Средь высоких хлебов затерялся// Небогатое наше село.// Горе-горькое по свету шлялся// И на нас невзначай набрело». Заканчивал вдохновенным резюме от первого лица – дескать, «это ли не поэзия высшей пробы!».

С чистого листа по-тарасовски, незамыленным взглядом открывала для себя великого ли-

рика, способного как никто сострадать чужой боли, и его совсем нехрестоматийную личность, человека с нежным сердцем, ожесточённым умом, зорким глазом охотника, крепкой предпринимательской хваткой, сказавшего о себе: «Я ни в чём середины не знал».

Тем давним летом и начался Иринин роман с поэтом. Прошёл потом испытание безденежьем, неустроенным бытом, затяжным безвременьем в Карабихе, когда Большой дом закрыли на долгий ремонт, и музей месяцами работал без зрителей. Сына воспитала без мужа. Уроженец Карабихи, Игорёк облазил вокруг все чердаки и подвалы, заядлым «музейщиком» рос. Однажды в каком-то захлащённом углу отыскал старое кресло, принёс в музей «почи-

нить». Оказалось, и в самом деле ценность – вещь из мейселевской гарнитуры семьи последнего хозяина усадьбы Фёдора Алексеевича Некрасова.

Сын по маминим стопам не пошёл, а вот понимать истинную цену вещей, не ту, что в деньгах, ещё в детстве научился. Кстати, отремонтированное тогда кресло по сей день в целости и сохранности, верно служит музею-усадьбе одним тем, что оно есть.

### И «ЗАГОВОРИТ КАБИНЕТ»

На всю жизнь запомнила Ирина Соколова первые тарасовские уроки музейного дела. Положите у камина, учил молодых отец-основатель, угольные щипцы, позакоптите топку, и камин оживёт. Поставьте на сто-

лик лампу или вазу со свежими цветами – и в гостиной тепло станет. В кабинете на столе поставьте на подставку колокольчик, а казённое стекло со стелешница уберите, добавьте какую-нибудь деталь – конверт с письмом из Петербурга, ещё что-то, и «кабинет заговорит».

Кабинет, стало быть, не заговорит, если не будет такого вроде бы пустяка, как конверт с письмом. Эта простая логика и объяснила Соколовой всю суть труда музейного хранителя. Без авторских рукописей, первопечатных книг, переписки поэта его мемориальную усадьбу не заполнить, как о том говорили первый директор «Карабихи» и его ученики-единомышленники. «Теплом человеческого жилья».

(Окончание на 2-й стр.)



Фото Вячеслава КИРАСОВА



# Живая вода Карабихи

(Окончание.  
Начало на 1-й стр.)

Это сейчас музей понимает, как глубоко был прав первый директор. А к началу перестройки судьба поэта привычно сверкала хрестоматийным глянецом, правда о ней всё ещё была там, в документах, исследованных в лучшем случае выборочно: углубляться в противоречия личности классика не рекомендовалось. Помнится, на первых Некрасовских чтениях в 1986 году слушали выступление про Литературный фонд и диву давались, как же умудрились мы до сих пор не знать таких интересных вещей.

Будучи одним из учредителей Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным, Некрасов, кроме личного участия в благотворительных спектаклях и концертах, обязался вносить по копейке серебром с каждого подписчика на «Современник» — а таких в 1861 году был без малого семь тысяч. Тот красноречивый пример некрасовской деловой сметки кто раскрутил? Как раз она, Соколова. С её лёгкой руки с тех пор фонды исправно служат местному, и не только местному, некрасоведению, а верный ключ к нему подсказал сам классик: «Все́му начало здесь, в краю моём родном».

Тем же ключом открывается и любое писательское имя, связанное с Верхней Волгой. Её литературная жизнь с начала прошлого века и до наших дней — у Ирины Соколовой главный творческий интерес. Зачтётся ей и сделанная вместе с белорусами экспозиция в спасённом музейщиками, в том числе и «Карабихи», доме классика «серебряного века», воспитанника ярославского лица Максима Богдановича. Зачтётся и первая, перестроенных времён, грандиозная фондовая выставка с такой полнотой раскрытия темы (в диапазоне имён от Сухова-Кобылина до узника «Бухенвальда» Брендючкова), что под впечатлением от вернисажа чуть не появился на свет ещё один музей — литературный. Пороху не хватало, а ведь даже место для него присмотрели: дом, где жил Трефолев и где од-

но время квартировала редакция «Северного», в те поры, когда туда заходили и драматург Афиногенов, и молодые Сурков и Фадеев.

## ДЕНЬ ИСПОЛНЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ

На рабочем столе Соколовой, простите, как всегда, чёрт ногу сломит. Но это если смотреть со стороны. Сама она убеждена, что у неё на столе всегда полный порядок, всё под рукой и на своём месте, ничто не лежит просто так. Вот хотя бы та раскрытая папка. Она с материала Аббакумцевской школы, выставленной при жизни Некрасова и, как известно, на его деньги.

Музей в школе «закрыли на ремонт» ещё в перестройку, а замок там на дверях до сих пор висит. Зато про воспитанников школы разных поколений «Карабиха» всё помнит — бережёт ученические дневники, сочинения, табели успеваемости, письма выпускников о своей самостоятельной жизни.

Сейчас сотрудники фондов заняты тем, отчего не уйдёшь, как от судьбы — инвентаризацией, в переводе с канцелярита полным изучением собранного, сверкой всего и вся со справочниками и словарями в руках. Стопка книг, журналов, подборок газетных вырезок, прихваченных скрепками, по правую руку от нас, исходный материал к медиа-проекту «Музы вели в бой» — только что показанной в Карабихе на большом экране ребятам из окрестных школ видеопозиции о ярославских писателях на войне.

Делали диск вместе с главным хранителем музея-заповедника Еленой Сарычевой, программистом Валентином Дудником. Чтобы дать представление, о чём идёт речь, Ирина Константиновна открывает номер журнала «Новый мир» за сентябрь — октябрь 1941 года, на странице с первой публикацией стихотворения «Моя Москва» Марка Лисянского.

Написал он текст будущей знаменитой песни «Я по свету немало хаживал» по пути из Ярославля на фронт. В Москве успел занести стихотворение в

редакцию «Нового мира». Сходу в номер дали, ещё в первом варианте, с куплетом, в текст песни не вошедшим: «У комбайнов, станков и орудий, // В нескончаемой лютой борьбе, // О тебе беспокоятся люди, // Пишут письма друзьям о тебе...»

Блиц-экскурсию в год сорок первый закончила Соколова репликой о том, откуда берутся шедеры:

— Знаю, где-то есть ещё один такой номер с автографом Дунаевского, нотной строчкой будущей мелодии прямо на журнальной странице. Собираюсь поискать местонахождение того журнала по Интернету, может, повезёт.

Осталось нам ещё фотографии рассмотреть. На столе их две. «Позтический беспорядок» может быть тем или иным, а у снимков здесь место постоянное, привилегированное. Один — портрет покойной матушки Александры Сергеевны («Просто мама», — так представила её дочь) и внучки Алёнушки. Маленькая лицейка снялась, как всех сама уверяет, в костюме сыщика из «Бременских музыкантов»: чёрные очки, лихо кепи, в одной руке сабля, в другой пистолет, стреляющий мыльными пузырями. Несказанная радость для бабки — слышать пропетые под настроение внучкины слова: «Я с тобой дружу».

Накануне Дня музеев на усадьбе — праздник «В Карабиху всей семьёй» с красивой вечерней акцией «Копилка желаний». Корзину с загаданными желаниями под музыку отправят на воздушных шариках на рассмотрение высшим силам.

Занятие словно по заказу для Алёнушки. Сама же бабуля, наверняка, постарается найти время спуститься заветной тропкой в Нижний парк, где под мостом шумит немолчный поток некрасовской Гремихи. Многие годы Ирина Константиновна ходила сюда из дома за водой с ведрами — как никто знает, какая она на вкус. И теперь, будем думать, не откажет себе в удовольствии пригубить её с ладони и внучку угостить. Та живая водица лучше любых пиллюль дух поднимает.

Юлиан НАДЕЖДИН.